

ОТЗЫВ

официального оппонента Асташова Александра Борисовича на диссертацию Аксенова Владислава Бэновича «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ (1914-1917)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Актуальность диссертационного исследования В.Б. Аксенова определяется несколькими соображениями. Прежде всего это углубление историографического интереса к теме истории России в годы Первой мировой войны и определившей ее революции 1917 г. После вошедших в мировую историографию крупных исследований по социально-экономической и общественной-политической проблематике этого периода в последние десятилетия наука обогатилась исследованиями, в центре которых оказался интерес к гуманитарной, человеческой составляющей этих эпохальных для России событий. В трудах О.С. Поршневой, В.П. Булдакова, Т.Г. Леонтьевой, Б.И. Колоницкого, Д. Байрау, А.Зумпфа внимание сосредоточено на антропологической, эмоциональной, психологической, символической, повседневной составляющей событий в стране военного времени. Логичным представляется следующий шаг – агрегированный подход к исследованию в целом системы символов, чувств, эмоций, их роли в войне и революции. В этом случае, настроения рассматриваются важным индикатором настроений революционных, часто их причиной. Таким образом, актуальность темы исследования не ограничивается выбранной эпохой, но определяется, прежде всего, самим предметом: общественными настроениями, сделавшими возможным милитаристские, а затем и революционные катаклизмы XX в.

Автор широко привлекает историографию как прямых сюжетов, где ставится проблема роли в исторических событиях эмоций и настроений, так и традиционных исследований в области психологических, политических, духовных, ментальных сторон жизни общества, влиявших на формирование эмоций и настроений в России в годы Первой мировой войны. В целом литература, как собственно историческая, так и теоретическая, отечественная и зарубежная, рассмотрена основательно,

составляя порою отдельные историографические сюжеты по рассматриваемой проблеме.

Таким образом, в историографии существует определенная традиция изучения массовых настроений отдельных социальных групп, однако настроения российского общества в целом в период Первой мировой войны и российской революции как совокупности сознательных и бессознательных (эмоциональных) реакций еще не становились предметом отдельного комплексного исследования, что подчеркивает особую роль определения источниковой базы и методологических основ диссертационной работы (Диссертация, с. 20)

В своем исследовании автор ставит проблему влияния иррациональных чувств, эмоций широких кругов общественности на политические, социальные и иные процессы в России периода Первой мировой войны и Февральской революции. В то время как менталитет народа может основываться на неотрефлексированных, но закрепленных в традициях, обычаях, практиках императивах, в основе массового сознания лежит осознанная коллективом, отрефлексированная установка, ценность, впервые становящиеся объектом исследования (Диссертация, с. 6). Автор исследует действие рациональных идеологических конструкций, которые широко распространялись в обществе в указанный период, но не производили необходимого влияния на общественное настроение для преодоления военных тягот. Наоборот, порою это приводило к взрыву проявлений иррационального сознания. Его природу автор видит в архетипическом сознании, часто уходящем в толщу народных верований, в глубинных пластах массовой психологии. В результате невозможность заместить в сознании действие такого трагического явления как война, ведущая даже к еще более страшным катаклизмам, приводит к поиску иррациональных настроений у широких масс населения, видящих в новых мифах и фантазиях подлинные действенные факторы происходящего.

Такая проблематика исследования диктует и объект исследования (общественные настроения различных пластов населения), и его предмет — совокупность сознательных и бессознательных (эмоциональных) реакций в виде структуры настроений с точки зрения тех сфер общественной жизни, в которых они формируются: политические настроения (патриотические, революционные и пр.), религиозные (эсхатологические, мистические и т.д.), обыденные (меланхолические,

гиперстенические и пр.), психопатологические (в виде невротизации общества и населения). Кроме настроений как ментальных элементов массового сознания, анализируются, в сущности, мало осознанные рационально действия: погромы, массовая скупка товаров, насилие и т.п. Помимо исследования непосредственно ментальных элементов массового сознания (идеи, слухи, образы, символы), внимание уделено и таким действенным формам выражения настроений как акции протеста, манифестации (верноподданнические или оппозиционные), погромы и пр.

Работа исследователя охватывает огромное разнообразие тем, сюжетов. Об этом говорит и количество статей только в рецензируемых изданиях: свыше 60. Такое исследование предпринимается впервые, что подчеркивает особую роль определения источниковой базы и методологических основ диссертационной работы (Диссертация, с. 23-24). При обращении к источникам автор одновременно решал задачи обнаружения материалов по мало разработанным темам, а с другой стороны — выявления их достоверности, репрезентативности. Настоящее диссертационное исследование, включающее максимально широкий спектр источников разного типа и видов, основывается в первую очередь на тех, которые обладают признаками массовых, являясь результатом повседневных практик отражают характерные, повторяющиеся черты эпохи. (Диссертация, с. 93.) При этом крупные комплексы источников (слухи, сведения о девиациях, цензурные материалы, высказываний крестьян) анализируются с привлечением количественного (исследование, например, половозрастной структуры обвиняемых), семиотического (изучение тех или иных слов и образов как знаков, отсылавших к архетипическому или иному уровням сознания), дискурсивного (рассмотрение высказываний как системы значений, характеризующейся интертекстуальностью и формирующей определенные практики) и других методов. Широко применяются материалы периодической печати, сборников иллюстраций, а также мемуары, дневники. В целом источниковая база исследования представляется достаточно репрезентативной.

В диссертации автор использовал как традиционные исторические, так и междисциплинарные подходы: социально-психологический, семиотический, эмоциологический. Разработанные на их основе методы работы с историческими источниками позволяют осуществить цель диссертации — исследовать массовые

настроения россиян в период Первой мировой войны как совокупности ментальных (рациональных и иррациональных) и действенных (манифестации, бунты, погромы) форм (Диссертация, с. 128). На примере социальных конфликтов в России накануне и в период Первой мировой войны показывается столкновение разных эмоциональных практик и роль эмоциональных реакций в процессе революционизации общества, даются эмоциологические характеристики определенных этапов 1914–1917 гг. (Автореферат, с. 29). Так в сюжете о настроениях среди крестьян автор ставит под сомнение утверждение царских военных чиновников, а также и ряда современных историков, о патриотизме крестьян, что якобы демонстрировала быстрая мобилизация (Диссертация, с. 86, 91). Анализируя миф о «всеобщем патриотическом энтузиазме» россиян летом 1914 г., автор выявляет множество составляющих настроений, охвативших крестьян: мобилизационные беспорядки, стремления мобилизованных ввести равенство в потере благ по сравнению с односельчанами, избегнувшими мобилизации, проявления дезертирства уже на этапе мобилизации и т.п. В сущности, полагает автор, среди крестьян имели место не патриотические настроения, а наблюдалось пассивное поведение в ходе мобилизационных мероприятий, что и подавалось властями, газетами, рядом современных историков как «громадный успех» в начале войны, действительно имевший место в ходе впервые осуществленного в России всеобщего призыва. Но это и не означает, что эти настроения были антивоенными. Автор ставит под сомнение такие настроения и приходит к выводу о наличии сложного конгломерата мотивации, проявления традиций, архетипического сознания, которые нельзя назвать патриотическим сознанием. Выявляет автор и цепь настроений: среди начальства о «патриотизме» крестьян, среди собственно крестьян, в сущности, не руководствовавшихся в своем поведении настроениями долга перед родиной, наконец глубинными настроениями крестьян, отражавшими целую гамму архетипических представлений о своем месте в обществе в период военных действий (Диссертация, с. 261–262). Подобные же исследовательские приемы автор применяет в характеристике настроений среди солдат, верующих, молодежи, женщин, городского населения, интеллигенции и т.п. Везде автор показывает нехватку действия рациональных средств воздействия на сознание населения военного времени, выявляя рождение иррациональных суждений, мифов, фобий и

т.п. В этом случае является оригинальным и вполне обоснованным утверждение автора, что в ряде случаев (поиск «пулеметов на крышах», слухи о «хлебном голоде» и др.) слухи стали восприниматься не только как элемент действительности, но и как «самоисполняющиеся пророчества» (Диссертация, с. 121-123). Особенно удачными представляются новаторские приемы анализа визуальных образов, их роли в процессе десакрализации власти (образы императорской семьи), развенчания официальных символов патриотизма (образ сестер милосердия). Важным для исследования причин, обстоятельства радикализации общества является анализ психоэмоциональной динамики российского общества в 1914-17 гг. Исследуя эти явления автор приходит к закономерному выводу об ослаблении патриотических настроений, о замене внешнего врага на внутреннего, представлявшегося к 1917 г. основной угрозой для привычного традиционного уклада и самого патриархально-патерналистского сознания российского общества.

Особенность нетривиального подхода диссертанта к теме состоит в том, что автор произвел масштабное исследование общественных настроений, самых различных его направлений, аспектов, слоев населения, временных проявлений и наоборот нарастающих по мере углубления кризиса. В общем, в войне нового типа, полагает автор, не работали технологии, которые были призваны сделать его участие в войне активным: пропаганда, привычные визуальные образы, церковные обряды и проповеди и т.п. Ответом на тяготы войны, на навязанные официальные технологии формирования провластных, патриотических настроений было формирование определенных чувств, которые проявились через слухи, эмоции. Они то и стали реакцией на войну в виде неясных, иррациональных представлений и планов переустройства общества, что включало актуализацию глубочайших пластов архетипического сознания. Абсурдные слухи поднимали из глубин массового сознания архаичные образы, вызывавшие эмоциональные реакции, становившиеся стимулами социально-политических действий (Диссертация, с. 702). Смутные ожидания и настроения привели в конечном счете к масштабному общественному катаклизму 1917 г. – «Красной Смуте».

Автор приходит к выводу, что по мере нарастания настроений, вызванных тяготами войны, население накануне 1917 г. было готово на любые перемены, не просчитывая последствий исполнения своих пожеланий и настроений. Революция в

виде «смуты» началась в головах раньше, чем это было на деле. Ее приход воспринимался благоприятно общественными группами, массами, классами, которые были готовы принять любой ответ, мало сообразуясь с ее возможными последствиями. Это могло иметь место, потому что саму революцию 1917 г., перемены в ходе нее, общество принимало по инерции в рамках «смуты в головах», т.е. на основании не разумности, а чувств, смутных ожиданий и т.п.

Диссертацию отличает логичное построение глав, профессиональный язык изложения, наличие емких обобщений и выводов, отличающихся содержательностью и обоснованностью.

Важной частью работы являются обширные приложения в виде графиков, таблиц, изобразительных материалов, образующих материал для целой наглядной энциклопедии общественных настроений рассматриваемого периода.

В подобной масштабной работе (около 800 страниц текста), конечно, трудно избежать неясностей, неудачных оборотов, наконец, ошибок. Некоторые замечания могут носить принципиальный характер. Так, вызывает сомнение перенесение найденного автором комплекса (1474 случая) свидетельств оскорбления императора и членов его семьи на всю совокупность населения, крестьян, в основном, которых насчитывалось много десятков миллионов человек. В какой степени доносы «бдительных граждан» по ст. 103 Уголовного Уложения могут отражать именно массовые настроения? (Автореферат, с 24.) Трудно согласиться с автором, что перлюстрированную корреспонденцию можно рассматривать в качестве репрезентативной выборки, отражающей массовые настроения (Автореферат, с. 23), учитывая намеренный, избирательный, а не выборочный характер существующего материала.

Некоторые оценки представляются категоричными, например — взгляд общества на Красный крест как на «коррупцированную организацию». Очевидно, речь шла о перенесении на Красный крест действительно бытовавших взглядов на все краснокрестные гуманитарные Общественные организации (Диссертация, с. 540), деятельность которых часто строилась на сиюминутной выгоде, или принимала в отношениях с властями строго денежные расчеты. То же касается и образа Красного креста «как борделя» (Диссертация, с. 542), чему, возможно, давали повод так думать некоторые сестры милосердия.

Требует пояснения и замечание автора, что «процент легкомысленных медсестер на фронте не столь важен – важно, что дискредитирующих случаев поведения было достаточно для формирования в массовом сознании определенного образа, вступавшего в противоречие с официальной пропагандой» (Диссертация, с. 544). В этом случае, как предполагается, проводится мысль объявить общественными настроениями любое количество высказываний, которые и будут сочтены автором за сам факт наличия «общественных настроений».

Необходимо высказать автору и ряд пожеланий, которые усилили бы выводы исследования. Так, автор ничего не пишет о настроениях (а это были намеренные, определенные настроения) представителей славян, их общественных организаций (чехов, поляков и др.), активно участвовавших в акциях и митингах в начале войны и, следовательно, в значительной степени влиявших на формирование патриотических настроений русского населения.

В работе фактически не рассматриваются детские настроения, т.е. у детей, составлявших почти половину населения страны, отзывчивых на любые акции, готовых воспринимать, транслировать широкую гамму настроений, от патриотических до пацифистских, слухов, фантазий, часто прямой лжи, что характерно для детей-подростков.

Автор привлекается к исследованию только одну форму слухов, вздорную, абсурдную, и упускает такую форму слухов, как просто преувеличение действительно ожидаемых событий. В этом смысле, это слухи не о самом явлении, а о его близости, или наоборот, отдаленности. Например: ожидание мира постоянно повторялось в определенные моменты климатических изменений погоды, и наоборот, «наступательное настроение» наблюдалось, как правило, весной, в апреле-июне, что было связано с ожиданием в крестьянской среде хорошего урожая, или окончательной победы после осеннего призыва, т.е. ожидание одним ударом покончить с врагом и войной.

Представляется что не всегда достаточно раскрыта природа, причины использования данных слухов при формировании настроений. Так, солдаты боялись немецких пулеметов, считая их проявлением холодной расчетливости, варварством противника. Уже поэтому везде мерещились пулеметы: от немцев, от офицеров (в случае попыток подавления солдатских волнений). То есть, способностью

применить страшное оружием награждались все, кто готов нанести солдатам вред: городовые, жандармы, офицеры и др. То же касается и слухов о нехватке хлеба, которые хотя и усиливали эту нехватку, но не определяли ее как таковую. Главным здесь был вопрос не о «голоде», прямой «нехватке хлеба», а о его несправедливом распределения, необходимости бесперебойных поставок и обеспечения населения всех категорий населений.

Высказанные замечания и пожелания ни в коей мере не снижают высокого научного уровня работы диссертанта. Докторская диссертация Владислава Бэновича Аксенова представляет законченное исследование, полностью соответствует требованиям, изложенным в действующем «Положении о порядке присуждения ученых степеней» в пп. 9-14 названного Положения, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 - Отечественная история.

Официальный оппонент, доктор исторических наук (специальность 07.00.02 – Отечественная история), доцент кафедры истории России средневековья и нового времени государственного бюджетного образовательного учреждения «Российский государственный гуманитарный университет» Асташов Александр Борисович.

Рабочий адрес. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6

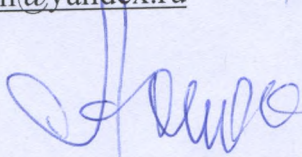
Телефон: 8 (495) 250-61-18

Факс: 8 (499) 250-51-09

Электронная почта: rsuh@rsuh.ru

E-mail: abastash@yandex.ru

Подпись.

А.Б. Асташов

11 февраля 2021 г.

Подпись А.Б. Асташова заверяю:

подпись и фамилия и

Печать.

Л.А. Чепикова
начальник управления
кадров
11.02.2021